

ЖЕНСКИЕ СУДЬБЫ

ВАЛЕНТИНА КАДЕТОВА

ОТ ЛЮБВИ НЕ УМИРАЮТ

ИМЕННО В МИНУТУ ОТЧАЯНИЯ
И НАЧИНАЕТ ДУТЬ ПОПУТНЫЙ ВЕТЕР

Женские судьбы (Четыре Четверти)

Валентина Кадетова

От любви не умирают

«Четыре четверти»

2024

УДК 821.161.1(476)-3
ББК 84(4Бей=Рус)6-44

Кадетова В. Н.

От любви не умирают / В. Н. Кадетова — «Четыре четверти»,
2024 — (Женские судьбы (Четыре Четверти))

ISBN 978-985-581-713-1

Что объединяет героинь Валентины Кадетовой – Регину, укравшую у отца трофейный вальтер, Людмилу, выдающую себя за психолога на занятиях мужа по игре на гитаре, Ларису Михайловну, вынужденную быть не только классным руководителем, но и следователем в делах своих подопечных, Нину Николаевну, мечтающую об одиночестве как о счастье, и Людмилу, давшую слово сыну, что они всегда будут жить вдвоём и больше никого не впустят в свою семью, и не выполнившую обещание? Когда перелистываешь последние страницы книги, кажется, что расстаёшься с близкими тебе людьми, которых уже полюбил.

УДК 821.161.1(476)-3
ББК 84(4Бей=Рус)6-44

ISBN 978-985-581-713-1

© Кадетова В. Н., 2024
© Четыре четверти, 2024

Содержание

Холодное блюдо	6
Лолита из города Р	26
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Валентина Николаевна Кадетова

От любви не умирают

© Кадетова В. Н., 2025

© Оформление. ОДО «Издательство “Четыре четверти”», 2025

Холодное блюдо

«Когда б вы знали, из какого сора Растут стихи, не ведая стыда... Когда б вы знали...» Не успокаивает. Ничуть. Не могло, ну никак не могло из низменного побуждения (иначе нельзя было назвать то, что владело Региной, когда она садилась за письменный стол) вырасти что-то стоящее. Ничего не было в ней в те минуты от «инженера человеческих душ». Была обычная, не очень молодая брошенная баба. Ба-ба! Какое тяжёлое, неприятное слово! Так и предстаёт перед глазами нечто громоздкое, неуклюжее, серое! Лучше уж говорить «женщина». Тоже слух не ласкает, но не скажешь же «мадам», «синьора», «леди» или «сударыня» – за насмешку сочтут.

Так вот, женщина эта, поглощённая великой своей трагедией, которая кому-то может показаться мелодрамой, а кому-то и вообще комедией, после нескольких неудачных попыток наказать ЕГО сказала себе: «Хватит суетиться и делать глупости. Месть – это блюдо, которое подают к столу холодным». Вот её рассказ, а может, и повесть станет «холодным блюдом» для Маслицкого.

Она ещё ни строчки не написала, а уже представляла, как он читает, как краснеет от злости. Ведь для него это будет чем-то вроде зеркала, созданного сказочным троллем: всякое пятнышко там огромным пятном покажется! Представляла и радовалась некрасивой – только теперь поняла, какой некрасивой! – радостью.

С такими вот намерениями Регина не одну ночь под лампой просидела. Когда же перечитала первую, вторую... десятую страницу, растерялась: совсем не то на бумагу ложится! Во-первых, совершенно неуместен здесь этот мягкий лирический стиль. Во-вторых, имя. Разве этот... подлец может носить такое благородное имя – Георгий?! В третьих, – и это больше всего огорчало – герой её творения упрямо не хотел становиться таким, каким она хотела его показать. Созданный Региной образ перестал подчиняться ей! Она писала, лепила его, а он всё больше отстранялся от своей создательницы и начинал жить собственной, неподвластной её воле жизнью. Какое-то время она пыталась бороться с наваждением, но в конце концов сда-лась: что получилось, то получилось...

И вот произведение вроде бы удалось. Так утверждают критики. Но ведь критики всего лишь люди, и им тоже свойственно ошибаться. Самой же невозможно посторонним взглядом посмотреть на собственного «ребёнка». Может быть, повесть и в самом деле удалась, но вот «холодного блюда» из неё не получилось. И в сердце Регинином нет уже того жгучего, неодолимого, что ещё не так давно туманило разум и понуждало к неприглядным, а иногда и ужасным поступкам.

* * *

Он шёл, как ходил всегда: чинно, спокойно, уверенно. Шёл и не догадывался, да и до этой поры, конечно же, не догадывается, что те шаги могли быть для него последними. Послед-ни-ми! Так решила она. Ещё мгновение и...

Регинина рука, сжимавшая пистолет, вдруг задрожала и опустилась. Ненавистная (неужели и вправду ненавистная?) фигура растворилась в темноте, и шаги стихли. Регина при-села, совсем невидимая под свисающими до самой земли тонкими ветвями и заплакала отчаянными, злыми слезами. Дура! Знала же, с самого начала знала: не сможет она, не осмелится! Так зачем был этот спектакль одного актёра да к тому же и без зрителей? А если бы и смогла? Он ведь всё равно не успел бы ничего ни понять, ни почувствовать. А ей надо, чтобы понял и почувствовал. И чтобы глаза её в ту минуту увидел.

Она прислонилась к шершавому холодному стволу плакучей ивы. Что же дальше? Пусть себе живёт спокойно этот... убийца? Такие, как он, и есть настоящие убийцы. Нет, их жертвы не падают, залитые кровью. Они дышат, ходят, разговаривают и даже смеются, и никто не замечает, что это всего лишь телесные оболочки, а души, измученные и униженные, бродят по миру и просят спасения, как просила спасения её, Регинина, душа.

Сначала она ненавидела неизвестного ей «доброжелателя». И Казика тоже ненавидела: зачем ему нужна была та встреча? Она ещё ничего не успела спросить у Казика, как налетел коршуном Маслицкий и бросился на него с кулаками. Потом вроде спохватился, сел в машину и рванул с места. А Регине – ни слова. Только взглянул с презрением. Но она не обиделась даже, потому что знала: Маслицкому всего хватило в жизни. Так уж сложилось, что судьба сводила его не с самыми лучшими, как он сам говорил, «представителями семейства гоминид». Вот и разуверился человек. И Бог вещь что подумал. Утешала себя, представляя, как вместе смеяться будут, когда всё выяснится.

Выяснилось. Регина до этого времени удивляется, почему тогда сразу же не разорвалось на части её сердце. Было ощущение, что во всём теле нет ни одной клеточки, которая не кричала бы от лютой боли. А те моменты, когда боль отступала, были ещё ужаснее, потому что сознанием овладевала одна-единственная мысль: перечеркнуть всё вместе со своей опостылевшей жизнью. Эта мысль и толкнула её к приоткрытому окну. За окном было небо. Много-много синего неба. Кто-то из великих не любил неба, говорил, что небо угнетает. Почему? Ведь небо – это символ жизни. Жизни... И вдруг её словно молния пронзила: «Жить!» Кажется, Регина произнесла это вслух. «И мстить!» – добавил кто-то посторонний. «Мстить!» – эхом отозвалась Регина.

На следующий день она и взяла – украла! – у отца трофейный, дедов ещё вальтер.

* * *

Регина зябко повела плечами: неужели это была она? Как же она тогда не подумала ни о Верочке, ни о матери, ни об отце? Да и сама она... Как бы она жила, если бы убила? Убила бы Олега, и – о ужас! – его сейчас не было бы!

Боже мой! Неужели ничуть не осталось в ней женской гордости, и она простила ему всё? Да, простила... Иначе зачем ей надо было прилагать столько усилий, чтобы журнал с её повестью попал в руки Маслицкому? Ведь она прекрасно знала, что ничего не вышло из её прежнего намерения, что повесть её – всё что угодно, только не «холодное блюдо»? Так что же ей было нужно? Чтобы прочёл, чтобы вспомнил? И что? Эх, Регина, Регина, рабская твоя душа! Неужели ты всё ещё любишь его? Да он же поступил с тобой хуже, чем с Данкой! Ты ведь не забыла Данку?

Когда друг Маслицкого, охотник, принёс к ним Данку, она была ещё маленьким существом как две капли воды похожим на обычного щенка.

Михаил, так звали охотника, набрёл на волчье логово. Волчицу-мать ни убить, ни поймать не удалось, а волчат Михаил забрал с собой. Вот и решил сделать Маслицкому такой необычный презент, сказав:

– Это волчица. Её зовут Данка, и она уже сама умеет кушать.

– Может, лучше было бы отвезти её назад, в лес, – не очень обрадованная таким «презентом», попыталась возразить Регина, но Маслицкий заупрямился, да и Верочка начала плакать: ей очень понравилась Данка. И Данка осталась жить в их квартире.

В скором времени «щенок» превратился в красивого зверя с рыжеватой шерстью и ярко-жёлтыми глазами. С некоторых пор Регина стала замечать, что Данка постепенно отдаляется от

неё с Верочкой и всё больше «прикипает» к Маслицкому. В квартире она ни на шаг не отходила от него. А если Маслицкий где-то задерживался и в обычное время не приходил домой, она начинала тревожиться, посматривать на дверь, потом садилась у порога и терпеливо ждала. Приходил Маслицкий – Данка издали узнавала его шаги, бросалась к нему и победно, даже угрожающе поглядывала на Регину и Верочку, словно хотела сказать: «Это моё, только моё!»

– Ты знаешь, Данка ревнует тебя к нам, – однажды сказала Регина. – Посмотри, как она волнуется, когда ты обнимаешь меня или Верочку. Мне иногда даже страшно становится: а вдруг она набросится на нас?

Маслицкому, наверное, и самому надоела чрезмерная Данкина привязанность, и он, пряча глаза, произнёс:

– Может, и в самом деле попросить Михаила, чтобы он отвёз Данку в лес? Ей и теперь вон сколько мяса требуется. А если ещё подрастёт, то вообще не напасёшься того мяса при нынешних ценах.

– Ой, не надо! – расстроилась Верочка. – Я буду ей приносить что-либо из школьной столовой! Тётю Катю попрошу, она разрешит!

Регина, успокаивая дочку, погладила её по голове и повернулась к Маслицкому:

– Олег, а тебе не кажется, что Данка уже не сможет жить в лесу? Отвезти её туда – всё равно что тепличное растение на мороз выставить. Неприспособленная она.

– Ну тогда попробую придумать что-либо другое, – нахмурился Маслицкий.

Через несколько дней он отвёз Данку в зверинец, который на то время находился в городе. Узнав, что зверинец вскоре должен уехать, Верочка уговорила Маслицкого пойти туда, чтобы проститься с Данкой. Регина купила курицу, немного говяжьих костей, и они втроём поехали в зверинец.

Верочка, не обращая ни малейшего внимания даже на экзотических животных, побежала вперёд и через минуту крикнула: «Мамочка, папка! Вот она! Я нашла её! Быстрее идите сюда!»

– Идём, Вера, идём! – отозвался Маслицкий, и Регина в очередной раз отметила, что ему неприятно Верочкино «папка».

В клетке без надписи (невелика важность – волк!) сиротливо сидела Данка. Она была грустная, и шерсть на ней стала грязно-серой и тусклой.

Вдруг волчица подхватила и заметалась по клетке. Мгновение назад дремотно прищуренные Данкины глаза загорелись радостными огоньками.

– Узнала, узнала! – захлопала в ладоши Верочка. – Давайте угощать её!

Маслицкий перелез через невысокую ограду, приблизился к клетке и ловко, не касаясь прутьев, бросил сначала курицу, потом кости и быстро, чтобы какой-либо бдительный служака не застал его на месте преступления, перелез обратно.

Они стали наблюдать за Данкой. Та, не обращая внимания на гостинцы, серой молнией металась по клетке, и глаза её светились уже не радостью, а болью и недоумением.

– Кушай, Данка, кушай, – пыталась успокоить пленницу Верочка. – Ну, попробуй, какая вкуснятина!

– Да не голодная она, – сквозь зубы процедил Маслицкий. – Проголодается – съест. Всё, уходим!

Но как только они сделали несколько шагов к выходу, Данка завывала – протяжно, отчаянно, жалобно. И Регине вдруг показалось, что она слышит не волчий вой, а предсмертный человеческий стон.

Где ты сейчас, Данка? Может, к лучшему, что тебе не дано понять жестокой истины: ты стала одной из многочисленных жертв обычной человеческой подлости. Приручить, приласкать, а потом предать – так ли редко это случается между людьми?

* * *

– Ты выйдешь за меня замуж?
– Всё не так просто, Олег. У тебя сын. У меня дочь.
– Мой сын уже взрослый.
– Ему всё равно нужен отец.
– Я не развожусь с сыном. Я развожусь с женой.
– Прожив столько лет...
– Я никогда не любил её. Только с тобой я понял, что такое настоящая любовь.
– Спасибо, мой хороший! Мне очень хотелось бы быть с тобой, но боюсь стать «проклятой разлучницей, хищницей, которая на чужом несчастье»... Ты подумай. У тебя есть время подумать. А пока давай просто встречаться.

– Ну это ты с кем-либо другим встречайся. Например, со своим бывшим мужем. Всего хорошего тебе!

Он сорвал с вешалки свой плащ и громко стукнул дверью. Через окно Регина видела, как он выходил из подъезда. Приостановился. Вернётся?

Нет, достал сигарету, прикурил и решительным шагом направился к остановке. Вот и всё. Он уже не придёт. Никогда. Она набросила на плечи красную ветровку – первое, что попало на глаза, – и выбежала на улицу. Он уже стоял у широко раскрытой пасти автобуса.

– Олег!

Оглянулся и отрицательно покачал головой. Регина вскочила в автобус и, не обращая внимания на удивлённые взгляды пассажиров, крикнула:

– Я выйду за тебя замуж!

Через две недели (Василь снова лечился в наркологии) Маслицкий приехал за Региной. Она уже уволилась с работы, устроила для коллег прощальный обед, упаковала вещи. Вещей было немного: Маслицкий запретил ей забирать что-либо, кроме одежды и книг. Регина попыталась возразить:

– Всё, что есть в квартире, я наживала сама. От него я никогда не видела денег. Почему же я должна оставить всё ему?

– Ренечка, постарайся меня понять, – мягко, но настойчиво произнёс Маслицкий. – Я не смогу есть с тарелки, с которой ел твой муж, и сидеть в кресле, в котором сидел он. Я тогда уважать себя перестану.

Он тоже ничего не взял у жены, сказал твёрдо: «Уходя, уходи».

Они сняли двухкомнатную квартиру, купили кое-какую мебель.

– Не волнуйся, любимая, – успокаивал Регину Маслицкий. – Скоро у нас всё необходимое будет. Главное, что мы вместе и никто и никогда нас не разлучит. Слишком долго я искал тебя и сейчас никому на свете не отдам.

– Олег, мне надо устраиваться на новую работу. Я хочу съездить в редакцию.

– А может, ты пока посидишь дома? Будешь заботиться о нас с Верочкой и писать свои рассказы или что там у тебя. Добытчиком в семье должен быть мужчина. Я всё сделаю, чтобы ты была счастлива.

В его голосе было столько искренности, теплоты, нежности, что Регина окончательно перестала прислушиваться к тревожному чувству, настойчиво напоминавшему ей, что её жизненная ситуация весьма банальна и разрешение её предсказуемо, ибо это уже случалось со многими такими, как Регина, много раз.

Но какая женщина не надеется, что у неё-то, в отличие от разного вида неудачниц, всё будет совершенно по-иному: светло и радостно. Да Регина уже и не представляла своей жизни без Олега и часто думала, что жизнь устроена несправедливо уже хотя бы потому, что выбор того, с кем предстоит делить радости и невзгоды, происходит обычно в ранней молодости, когда человек ещё не научился разбираться не то что в жизни, но даже и в собственных чувствах, поэтому там, где звучит «люблю», очень часто никакой любви нет. Есть только зов природы, обычное телесное влечение.

Ну почему она тогда не послушалась отца?

* * *

Регина училась на четвёртом курсе, когда привезла своего избранника познакомить с родителями.

В первые минуты Василь, высокий, русоволосый, немного застенчивый, понравился родным. Регина увидела, как засияли радостью глаза матери, как приветливо заулыбался и крепко пожал Васильёву руку отец. А после того как отец убедился, что у этого статного парня и руки золотые (они с Василём долго что-то мастерили в гараже), он вообще остался доволен будущим зятем.

Но вот вечером, когда «случайно» в дом заглянул кое-кто из соседей и мужчины выпили по рюмке, Регина заметила, что отец почему-то насторожился и перестал улыбаться. Она забеспокоилась и вопросительно взглянула на отца. Тот словно ждал Регининого взгляда и, еле заметным жестом показав на дверь, вышел на веранду. Регина отправилась за ним.

– Что такое, папа?

Отец подвинул ей табуретку:

– Присядь. Ты давно знаешь этого человека?

– Какого человека? – не сразу поняла Регина.

– Василя своего давно знаешь?

– Ну, папочка, какое это имеет значение?

– И всё-таки?

– Два месяца уже.

– И ты собралась за него замуж?

– Да, мы с Васей решили пожениться. А что?

– А то! Можешь на меня обижаться, но я всё равно скажу тебе вот что: если не поздно (у вас же, молодёжи современной, модным стало свадьбу с родинами справлять), то гони его поганой метлой!

– Ну, папа, спасибо тебе! – обиженно воскликнула Регина. – И когда прикажешь гнать: прямо сейчас или после ужина? Послушай, а может, тебя испугало то, что Вася слишком много ест?

Отец смутился – он был скуповат и, кажется, сам стеснялся этого греха:

– Да пусть ест сколько влезет! А вот пить... Ты никогда не обращала внимания на то, КАК он пьёт?

– Как все. Кто сейчас не пьёт?

– Нет, доченька, – покачал головою отец, – он пьёт как алкоголик. Ты присмотришься. Он же не глотает, а выливает в себя водку, словно в кувшин. И водка ему вкусная! А что это значит, мне известно. Так что подумай. Хорошо подумай!

* * *

Ну почему она тогда не послушалась отца? Что заставило её выйти замуж за Василия? Любовь, от которой теряют рассудок? Но не было такой любви! Легкомыслие? Мол, столько однокурсниц уже «окольцевалось», так почему бы и ей... Нет, скорее всего, чрезмерное самомнение. Ей думалось, что из этого застенчивого парня, который так сильно влюбился в неё, она вылепит всё, что захочет. И самое первое, с чего она начнёт, когда Василь станет её мужем, – это установление сухого закона, потому что Василь, как она уже не однажды замечала, порой не знает меры в выпивке.

Святая наивность! Такой же результат могла бы иметь её попытка сделать хищника вегетарианцем. Но, чтобы понять то, что для отца стало понятным с первого взгляда, Регине понадобилось почти шесть лет. Только тогда ей стало ясно, что пьянство мужа – это не вредная привычка, а болезнь в полном понимании этого слова с осознанно избранным им образом жизни и что лишить Василь возможности пить – значит лишить его жизнь смысла. Но даже уразумев это, Регина ещё некоторое время на что-то надеялась, хотя надеяться можно было только на чудо, а чудеса, к сожалению, происходят только в сказках.

Мужа уже нигде долго не держали на работе – не помогали и золотые руки, – а в характере появились такие неприятные черты, как неряшливость, лживость, цинизм. И наконец настал день, когда Василь стал для Регины совершенно чужим, и она, как ни заставляла себя, не могла отыскать в своём сердце даже капельки тепла для человека, который был отцом её дочери. Подсознательно она чувствовала, что не только Васильева в том вина – виновата и она и прежде всего потому, что когда-то так поспешно связала свою судьбу с человеком, с которым у неё не было ничего общего и которого она не любила. Да и что она, женщина, создавшая семью и родившая ребёнка, знала о любви до встречи с Маслицким?

Эта встреча была случайной. В командировку на предприятие, где работал Маслицкий, должна была поехать не Регина, а Инна Максимкова. Но у Инны заболел сын, и Михаил Петрович попросил Регину поехать вместо Инны. Она согласилась без особой радости: тогда как раз работала над рассказом и надеялась за три-четыре вечера его закончить. Этот же вынужденный перерыв мог выбить из творческой колеи, и тогда вряд ли скоро Регине захочется сесть за стол с любимой лампой под оранжевым (мать называла этот цвет жёлто-горячим) абажуром.

Тот рассказ так и остался недописанным. И не потому что «муза перестала посещать», а потому что Регину нежданно-негаданно закружило и понесло по жизни не изведанное ранее всеобъемлющее чувство. О, если бы кто сказал ей, что всё так обернётся! Хотя, если бы кто и сказал, разве она поверила бы?

Сначала у них с Олегом всё было чудесно. Или ей так казалось? Нет, не казалось. И для неё, и для него те первые месяцы совместной жизни были счастливыми. Даже такие обыденные занятия, как стирка, уборка, готовка, стали для Регины не скучной обязанностью, а радостью: она ведь делала всё это для близких людей: для Верочки и для Олега. И – может, так не должно быть? – прежде всего для Олега, а потом уже для Верочки. В выходные дни они втроём шли в кино или на какую-либо выставку, а когда была хорошая погода, ехали в лес. Им было интересно говорить о музыке, литературе. Правда, говорила больше она, но Маслицкий всегда внимательно слушал, и Регина радовалась, что ему тоже нравятся её любимые композиторы, писатели, художники.

Да, сначала у них всё было чудесно...

* * *

В прихожей слышались неторопливые Еленины шаги. Маслицкий быстро закрыл детектив и бросил его в ящик письменного стола. Он работает. Даже дома работает.

– Ты уже пришёл? – заглянув в комнату, спросила жена. – А я в магазине была и Марину Бирюкову встретила. Одета с иголочки. Говорила, что машину покупают новую. Из салона. И это всего за полгода. Мы с нашей зарплатой такое разве можем себе позволить? – Она положила на стол стопку газет: – Почту вот забрала. Вчера забыла. Надо бы дверцу подремонтировать в ящике: плохо открывается.

«С нашей зарплатой, – перебирая газеты, улыбнулся Маслицкий. – Где-то я уже это слышал».

Елена никогда не работала. Разве только в тот год...

– А это откуда? – спросил он, увидев среди газет журнал в голубой обложке. – Мы, кажется, ничего такого не выписывали.

– Не знаю, – пожала плечами Елена. – Может, почтальон ошибся.

Маслицкий взял в руки журнал, равнодушно перевернул несколько страниц и вспотел от неожиданности: с фотографии на него смотрела... Регина. Смотрела пронизательным и, ему показалось, презрительным взглядом. Бросился в глаза заголовок: «Под созвездием Овна».

Маслицкий поспешно сунул журнал под газеты и украдкой взглянул на жену. Та сосредоточенно стирала с серванта невидимую пыль.

– Олечка, тебе какую рубашку на завтрашний день подготовить? А галстук? Обедать дома будешь? Я у Марины один рецептик взяла. Такую вкуснятину приготовлю – пальчики оближешь!

Маслицкому на какое-то мгновение показалось, что жена сознательно играет роль «инфузория-туфелька», героини недавно прочитанного им рассказа. Он так и назывался: «Инфузория-туфелька».

Из-за этого интригующего названия Маслицкий и купил небольшой сборничек в привокзальном киоске. Он ехал тогда в командировку, а читать что-либо в дорогу из дома взять забыл.

Начинался рассказ не очень оригинально. Женщина гостила у подруги в другом городе, набрала номер своего телефона (как там домашние?) и случайно наткнулась на беседу своего мужа с любовницей, о существовании которой до сих пор «ни сном ни духом». Речь также была банальной. Маслицкий, ещё не читая, мог бы сказать, что любовница будет требовать верности в отношениях и ставить условие: либо она, либо жена. Так оно и было. И оправдывался мужчина так, как обычно оправдываются все мужчины: «Ты же знаешь, я люблю, очень люблю тебя. Ты красивая, умная, мужественная, ты всё можешь, всё одолеешь, а она (жена) – примитивное, жалкое существо, способное только на то, чтобы помыть, убрать, приготовить. Она инфузория-туфелька. Я не могу представить, как она будет жить без меня. Поверь, у меня ничего к ней нет, кроме жалости, но я не могу представить...»

А вот вывод, который сделала из услышанного «инфузория-туфелька», интересный.

Ну как бы в таком случае повела бы себя почитай каждая женщина? Ну, конечно же, прежде всего разоблачила бы «подлого» предателя. Дальнейшее зависело бы от её темперамента и степени воспитанности.

«Инфузория-туфелька» решила иначе: «Я даже виду не подам, что знаю о его измене. Наоборот, я начну убирать и мыть ещё чище, готовить ещё вкуснее, стану ещё более “инфузористой”, чтобы он окончательно убедился: без него я пропаду».

Неплохим психологом оказалась та «инфузория». Маслицкий снова бросил взгляд на жену. Нет, Елена никогда ничего, кроме любимых своих «Хозяюшки» и «Здоровья», не читала. Откуда же ей знать о той «инфузории»?

Когда-то смолоду он мечтал о романтической, загадочной женщине, тонкой интеллектуалке. Но ему почему-то не везло на таких. Только через много лет он встретил, как ему показалось, свой идеал. Встретил и потерял разум. Семью ради неё решил оставить. Но разве он думал, что так непросто будет ему с этой женщиной?

Маслицкий никогда не считал себя посредственностью. Он довольно много читал, любил музыку, немного разбирался в живописи. И у костра где-нибудь на лесной полянке или у реки посидеть любил. Всё это приносило в жизнь приятное разнообразие, скрадывало неизбежные тяготы. Но ему никогда в голову не пришло бы, например, целый день «просто так» бродить по лесу, как это иногда делала Регина; либо с влажными «от переизбытка чувств» глазами часа полтора без перерыва слушать или читать стихи, даже если это были стихи гениальные. Нет, всему должна быть мера. А она часто никакой меры не знала. Регина, видимо, сама чувствовала свой «грех» и со скрытым желанием оправдать свою, как говорил Маслицкий, «всеядность», как бы в шутку называла себя «лесооголиком», «книгооголиком» и ещё «многочегоголиком».

А это ночное сидение над рукописями? Не напрасная ли трата времени? Не до книг сейчас людям. Одна мысль у всех: прокормить бы свою семью. Да и что она имеет с этого? Маслицкий бы за оскорбление посчитал, если бы под громким словом «гонорар» ему заплатили такие деньги. Видел он на Регинином столе квитанцию, где была указана сумма так называемого «гонорара». Недаром она даже ни слова о гонораре не сказала. Стеснялась, видимо, потому что над теми тремя рассказами она месяцев пять сидела. Да и женское ли дело – писать? Ну кто из женщин-писательниц создал что-нибудь настоящее, большое? Разве что Жорж Санд. Ну ещё Агата Кристи. Но Жорж Санд не была женщиной в полном смысле этого слова. А насчёт гениальности Агаты Кристи...

Всё-таки детективная литература – всего лишь детективная. Раньше, когда они ещё встречались, Маслицкий думал, что Регина нарочно демонстрирует перед ним свою эрудицию – «выставляется», как это свойственно женщине, если она хочет понравиться. Начнут жить вместе – мало чего останется от её одержимости: быт есть быт. Ошибся. Она такой и была. Ну а тут ещё и Вера.

Говорят, что если мужчина полюбит женщину, то он полюбит и её ребёнка. Но нет. Чужое оставалось чужим. Однажды, когда он пожаловался на боль в спине, Вера вызвалась сделать ему массаж. Постукивая по спине пальцами, она начала приговаривать: «Пришли куры – поклевали, поклевали, поклевали. Пришли гуси – пощипали, пощипали, пощипали».

А Маслицкому вспомнилось, что такой же «массаж», с теми же «поклевали-пощипали» делал ему Максим, когда был ещё совсем мал. Ему вдруг очень захотелось увидеть сына, поговорить с ним. Он уже перестал обижаться на Максима за те жестокие слова, которые услышал от него, когда оставлял их с Еленой. Максима нужно было понять: самому близкому человеку, матери, сделали больно. Мог он оставаться молчаливым свидетелем прощальной сцены? Да, сын сейчас взрослый. И девушка у него есть. Красивая девушка, статная. Видел их однажды Маслицкий на улице. Похоже, что женится скоро Максим. Тогда Елена останется совсем одна. Хотя почему одна? Почему он уверен, что она не нашла себе кого-нибудь? Он же более полугода не был там. Только деньги ежемесячно передавал через своего бухгалтера: тот жил в соседнем подъезде их дома. А сам он давно туда не заходил...

В следующий выходной втайне от Регины он поехал к своей и не своей собственной уже семье. Дверь ему открыла Елена. Маслицкому сразу бросилось в глаза, что она похудела, подурнела и даже вроде ростом ниже стала. На ногах у неё были старые Максимовы туфли. Густые

волосы, небрежно заколотые на затылке, потеряли прежний блеск. Мало чего осталось в ней от улыбочивой жизнерадостной Елены.

- Ты что, заболела? – вместо приветствия произнёс он. – А Максим где?
- Максим в институте. А я просто устала. Недавно только из парикмахерской пришла.
- Это тебе там такую причёску сделали? – съязвил Маслицкий.
- В парикмахерской я работаю.
- И что ты там делаешь?
- Я там убираю.
- Вам не хватает моих денег?
- А ты давно был в магазине?
- Ты же знаешь, я никогда не ходил по магазинам.
- Так походи, ценами поинтересуйся.

Маслицкий вынул из кармана портмоне:

– Вот, возьми. Это всё, что у меня с собой. А почему Максим не зашёл, не сказал, что у вас трудно с деньгами?

– Он не придёт.

– Ну, если гора не идёт к Магомету... Я буду время от времени навещать. Надеюсь, ты позволишь?

– Я не имею права что-либо запрещать тебе. Тем более что квартира твоя.

– Ну я пошёл. В случае чего – звони. Ты не забыла номер моего телефона?

Елена с молчаливым укором взглянула на него и, пряча повлажневшие глаза, отвернулась.

С того дня в его памяти всё чаще стал возникать укоризненный взгляд Елениных глаз... С того же дня и начались его страдания. И наконец он решился. Нет, это и сейчас тошно вспоминать. Неужели Регина удерживала бы его, если бы он сказал всё как есть? А он... Сначала, когда план свой выверял, чувствовал себя не очень хорошо. Короче, мерзко чувствовал себя. И как Регину с Казиком «застал», что-то внутри шевельнулось: то ли Регину жалко стало, то ли перед собой стыдно. Но тогда он быстро успокоился: мол, цель оправдывает средства. Разве он девушку-подростка соблазнил, чтобы истязать себя? Женщина должна быть осмотрительной. Регина – тем более: какая-никакая, а писательница всё-таки. Неужели она не знала, что почти всех мужчин в определённом возрасте «бес в ребро» толкать начинает. Только тот, кто умнее, погуливать погуливает (цветочки, свидания), а семьи своей держится, потому что понимает: в такие годы привычка становится сильнее всех даже самых романтических чувств. А он захотел новую жизнь начать! Нет, он не собирался обманывать Регину: сам верил в то, что говорил. Только ведь, как сказал поэт (или философ?), «Ничто не вечно под луною». Так в чём же виноват Маслицкий? Регина после того случая с Казиком бросилась объяснять Маслицкому нелепость его ревности (она ведь не подозревала даже, что ничего ему объяснять не надо) – тогда он показал ей «документик». Нет, здесь он, мягко говоря, всё же некрасиво сделал...

Регина пробежала глазами ту «анонимку», сразу завяла как-то и молча ушла.

На третий день на работу к нему позвонила: «Ты почему не идёшь домой? Ты бросил нас?»

Маслицкий, как всегда, избегая говорить «да» или «нет» (не любил он прямолинейности, считал её издержками плохого воспитания), начал нести какую-то околесицу и обрадовался, когда в трубке раздались короткие гудки. А вечером у проходной он увидел Регину. В первый момент ему захотелось спрятаться: боялся, что Регина снова, как было уже однажды, бросит ему в лицо отчаянное: «За что?!» Взять бы и сказать: «А так! Ни за что! Просто, чтобы легче было. Для меня!» Нет уж, пусть думает, что он тоже страдает, но, как бы того ни хотел, не может простить предательства. Достоинство не позволяет. А достоинство для Маслицкого, Регина это хорошо знает, прежде всего. Достоинство и порядочность.

А она уже шла навстречу. По её порозовевшим щекам, по опущенным глазам было видно, как ей больно от унижения (прибежала, сама прибежала!). Но желание видеть его, говорить с ним было сильнее всего другого, и она махнула рукой на «всё другое».

– Ну привет! – голос у Маслицкого беззаботный, почти весёлый. – Случилось что-нибудь? Нужна помощь?

Он охватил взглядом её стройную фигуру и на какой-то момент растерялся: она ещё влекла его, как не влекла ни одна из женщин, которых он знал за свою жизнь. А ведь были среди них и намного красивее Регины. Были и такие, о которых говорят «без комплексов в интимном плане». Только почему-то ни одна из них не принесла ему столько той запретной радости, как она, Регина. Может, потому, что каждая из них (и Елена тоже) ласкали его так, словно плату наперёд выдавали, инстинктом женским постигая: чем щедрее будет та плата, тем больше наслаждения получит она, прежде всего она. Он был лишь средством. Те старались взять, ухватить. Регина – отдать. Отдать и быть счастливой отражением его радости. И зря говорят, что мужчины – эмоционально глухие существа, что они не чувствуют нюансов. Чувствуют не хуже женщин, только словами это высказывать не спешат, так как многословие всё же не мужская черта.

И снова что-то затеплилось в нём, заволновало, но он тут же овладел собой:

– Так что случилось?

– Ничего. Я только хотела спросить, понимаешь, в последний раз спросить, чтобы понять: ты действительно поверил, или здесь что другое? Я...

Маслицкий прервал её:

– Регина, не верить в очевидное может только идиот. Поэтому не надо об этом. Пусть между нами менее лжи будет. Обиды у меня на тебя нет. Полюбила ты другого – на здоровье. Мы в своих чувствах не вольны. Не волнуйся: я его на поединок вызывать не буду. И мстить тебе – тоже. Если ты из-за квартиры переживаешь, то завтра... нет, послезавтра у меня будут деньги, и я заплачу за год вперёд. Год живи себе спокойно, а дальше сама думай. Или пусть Казик думает. И давай останемся друзьями.

– Друзьями? – Регинины губы задрожали. – Спасибо тебе. Прощай, Солнцеглазый.

Солнцеглазый... А существует ли такое слово? Скорее всего, она придумала его, как и другие, сначала такие желанные: она же придумывала их только для него, а это так льстило самолюбию! Но со временем – Маслицкий тогда ещё и сам себе не смог бы объяснить почему – её «придумки» начали раздражать его. И однажды он не сдержался.

Вера уже улеглась, а они с Региной сидели перед телевизором: шла передача то ли о Пастернаке, то ли о Бунине, и Регина даже рукописи свои оставила, хотя обычно смотреть телевизор не очень любила. Она не сразу заметила, что Маслицкий то и дело «клюёт носом», а когда заметила, обиделась немного, но виду не подала, только тихонько тронула его за плечо:

– Ах ты, сплюшка моя дремлюшка! Иди ложись.

В груди у Маслицкого знакомо шевельнулся злобливый комок, и он выдохнул:

– Нароботалась бы ты с моё, так вообще развалюшкой стала бы. Это тебе не бумажки в редакции перекладывать.

Он, нарочито некрасиво оттопырив губы, передразнил её:

– Сплю-у-у-шка!

Регина отшатнулась, словно её ударили: никогда он не говорил с ней так! Маслицкий, взглянув в её побледневшее лицо, спохватился:

– Извини, пожалуйста! Сам не знаю, какая муха меня укусила. Обещаю: такое больше не повторится. А если повторится, я сам себе язык вырву.

«Такое» начало повторяться всё чаще. Язык себе Маслицкий, конечно же, вырывать не стал, даже прощения уже не просил, жаловался только на испорченные нервы. Он видел: Регина

мучительно ищет причину того нехорошего, что возникло между ними, чувствует какую-то пока непонятную свою вину и пытается искупить её, предупреждая каждое его желание и преданно заглядывая ему в глаза своими прозаично-серыми, словно осеннее небо, глазами. А его начал уже раздражать и этот преданный взгляд...

* * *

Разговор у проходной стал последним их разговором. Маслицкий знал, что Регина ещё месяца три не уезжала (ждала его?), а потом через Ольгу, жену Казика, передала ему ключи от квартиры. Он думал, что будут слёзы, упрёки, длинные «душещипательные» письма к нему: что-то, а писать она умеет. Нет, она не оставила ему даже прощальной записки. Почти два года она ничем не напоминала о себе. Он же, когда и всплывало в памяти что-нибудь связанное с Региной, сознательно старался избавиться от этого, так как заметил, что каждый раз в такие минуты в нём пробуждалось щемящее чувство, определение которому не мог бы дать даже самый тонкий, опытный психолог. Чувство это было в такой степени личное, что даже попытка его определения представлялась Маслицкому кощунственной. Но время делало своё. Оно постепенно ослабляло, размывало и без того неопределённое, что подсознательно жило в нём, нарушало желанный покой и мутило душу.

И вот журнал с её фотографией. И пронизательный – или высокомерный? – её взгляд. Нет, видно, действительно «ничто на земле не проходит бесследно».

– Ты знаешь, – отозвалась Елена, – Бирюковы на море собираются. Всей семьёй. На новом автомобиле.

– Что ты мне уже который раз сегодня про Бирюковых? – недовольно поморщился Маслицкий. – Я же всё равно в Вадимову полукриминальную «фирму» не пойду. Ведь, если что, ты не станешь мне передачи в тюрьму возить, не так ли?

Елена хотела ещё что-то сказать, но вздохнула только (с тех пор, как он вернулся, она вообще перестала противиться ему) и снова взялась за сервант.

Инфузория-туфелька? Пусть и так. Но не сам ли он убедился, что для спокойной семейной жизни именно такая женщина и нужна: женщина-повседневность, серая мышка. Мудрая инфузория.

* * *

Сначала у них было всё прекрасно... А потом? Нет, ты всё вспоминай, Регина. Всё до мелочи. Не ищи ему оправдания. Может, хотя бы теперь ты всё увидишь по-настоящему. Видишь вон ту женщину на городском перекрёстке? Холодный ветер насквозь пронизывает её легкое серебристо-серое пальтишко – середина мая, а на улице слякотно, как в глубокую осень, – одревеневшие губы шепчут наивные слова старого, как мир, заклятья: «Ангелы вечерние, утренние, южные, северные! Летите, ангелы, на дно моря-океана. Там, на дне моря-океана, лежит камень. Над камнем – вода, под камнем – нуда. Разгоните воду, возьмите нуду, перенесите нуду на раба Божия Олега, чтобы он, раб Божий Олег, не ел, не пил, по чистому полю ходил, по мне, рабе Божией Регине, сердцем болел».

Эти слова – последняя её надежда. Они помогут. Должны помочь! Женщине так хочется верить! Ты, Регина, знаешь, как ей хочется верить. Знаешь. Через несколько минут женщина та будет сидеть в уютном кабинете с солнечно-жёлтыми шторами на окнах, с вывеской на двери «Отдел писем». Если взглянуть на неё в такой момент, можно поспорить, что между этой безупречно одетой, ухоженной женщиной и той бедолагой, которая совсем недавно с фанатичным

блеском в глазах обращалась с мольбой к «вечерним, утренним, южным и северным ангелам», нет ничего общего.

Но рабочий день заканчивается, и женщина возвращается домой. Вот ещё один перекрёсток, и она уже механически снова начинает надоедать ангелам своей настойчивой просьбой. Но ангелы, по-видимому, не очень милосердны к ней, или, может, заняты более важными делами... Подойдя к двери своей квартиры, она понимает: его не было. Утром она привязала к дверной ручке тонюсенькую ниточку, а другой её конец зацепила за гвоздь, который специально вбила в стену рядом с дверью. Отпереть дверь, не порвав ниточку, было невозможно. Ниточка не порвана... Дрожащими руками женщина достаёт из сумки ключ, переступает порог, в изнеможении падает в кресло и с минуту умоляюще смотрит на телефонный аппарат. Аппарат молчит. Чтобы избавиться напряжённого ожидания, она отключает телефон.

Впереди вечер. И ещё ночь. Скорее бы утро! Утром ей будет легче. Каждое утро она просыпается с мыслью, что страдания её закончились, что он уже чужой, даже враждебный ей человек и если ему будет плохо, она ничуть, ни капельки не посочувствует ему. Но наступит день, придёт вечер, и женщина со стыдом будет вспоминать утреннее и вслух называть себя сумасшедшей, потому что только сумасшедшая может желать зла человеку, к которому так рвётся всё её существо. Всё это ты знаешь, Регина, потому что та женщина – ты. Ты сказала своему «солнцеглазому» «прощай», но всё ещё надеялась: одумается, разберётся, вернётся. Надо только подождать. И ты ждала. Месяц, второй, третий... За это время ты успела возненавидеть лифт – медлительного своего палача – и замирала от каждого телефонного звонка. И от того ужасного звонка ты тоже замерла. Ведь он едва не стоил тебе жизни: четвёртый этаж не шуточки.

Ну так как, может, споём шлягер: «Любовь прощает всё, если это любовь»? Любовь... Любовь... Что это такое? Дьявольское наваждение? Состояние души? Наивысшее из всех чувств? А может, правду сказал Тургенев, что любовь никакое не чувство, а серьёзная болезнь. Конечно же, он имел в виду болезнь психическую. Ты считаешь, что слова эти вырвались из его уст в минуты отчаяния? Ведь почему же тогда он сам, выбирая между дорогой его сердцу Россией и любимой женщиной, выбрал её, женщину, и ради безграничной своей любви всю жизнь прожил «на краешке чужого гнезда»? Но подумай, ради которой женщины пожертвовал он всем самым дорогим? Талантливая певица, духовно богатая натура, очаровательная женщина. Это с неё писала свою Консуэлу Жорж Санд. А он? Кто он, твой Маслицкий?

Скоро два года пройдёт с той недоброй памяти дней её «хождений по мукам». Всё вроде стало на свои места. Работой своей она довольна. Есть у неё, слава Богу и доброму человеку Клавдии Васильевне, свой уголок. Живы и здоровы её родители. И Верочка пока ничем не огорчает. А остальное? Остальное, видимо, не для неё. Нужно просто привыкать к мысли, что прежнего не вернуть. А главное, не надо мучить и корить себя за то, что она любила и (что уж тут прятаться?) всё ещё любит такого человека, как Маслицкий. Это только в плохих романах всё просто: увидела героиня, что избранник её, мягко говоря, далёк от идеала, мгновенно убила в себе все добрые чувства к нему и с высоко поднятой головой пошла навстречу, конечно же, счастливому будущему, где уже ждёт не дожждётся её герой с кристальной совестью и родниковой душой. В реальности всё сложнее. По какой-то жестокой закономерности женщина, способная на настоящую любовь, дарит её какому-либо ничтожеству, обделённому не только способностью любить, но даже и способностью понимать ценность этого дара. И в этом ещё одна трагедия любви. Сколько таких трагедий случилось и случится ещё в мире? И никто никогда не был защищён от них: ни созданная фантазией французского классика бедная плетельщица кресел, ни реальная шотландская королева.

Мария Стюарт. Женщина-легенда. Ей было дано всё, о чём только можно мечтать: красота, ум, богатство, корона. И всё это она готова была отдать за возможность быть рядом с

грубым авантюристом, имя которого осталось в истории только потому, что его любила Мария Стюарт.

Мопассановская плетельщица кресел приносила обожествляемому ей сыну аптекаря – серой посредственности – последнее, что имела: добытые правдами и неправдами жалкие медяки. Величественная королева посвящала сутенёру Босуэлу строки, которые не могут оставить равнодушным даже самое чёрствое сердце:

Ему во власть я сына отдаю,
И честь, и совесть, и страну мою,
И подданных, и трон, и жизнь, и душу.
Всё для него. И мысли нет иной,
Как быть его женой, его рабой...

Так, может, любовь оправдывает всё, в том числе и отсутствие гордости? Нет, лучше не углубляться, потому что так можно оправдать даже тот подлый поступок Маслицкого.

* * *

Тогда Регина была дома одна. Верочка со своим классом поехала на оздоровление в Череповец. Регина не сразу поняла, что звонит ей не Маслицкий, а всего лишь Казик. Ей почему-то звонит Казик...

– Регина Николаевна, мне надо с вами поговорить.

– Говорите, – бесцветным голосом отозвалась Регина.

– Знаете, я не люблю получать от женщин пощёчины, а тем более незаслуженные, поэтому решил всё сказать по телефону.

– Простите, – прервала она, – а не могли бы вы сократить прелюдию и приступить к основной части?

– А вы не такая уж беззащитная, как мне думалось, – неискренне засмеялся Казик. – Тем лучше для вас. Но без прелюдий не обойтись, поэтому вы должны немножко подождать. Вы, конечно, читали купринскую «Яму»? Помните, как Лихонин избавился от Любки, когда та ему надоела? Если не помните, цитирую: «Благородный жест, немного денег и... сбежать». Денег вам Олег Викторович, конечно же, оставил.

– Что вы позволяете себе? – возмутилась Регина. – Вы отвечаете за свои слова?

Казик помолчал немного, словно колебался, говорить ли дальше, и продолжил:

– За слова свои отвечаю. Перехожу к основной части. Но, – голос его лишился шутовской нотки, – очень прошу: не бросайте трубку, выслушайте до конца. Основная часть будет короткой: ту «анонимку», которую показывал вам Олег, написал... Олег.

– Какой Олег? – не поняла Регина. – И откуда вы знаете про «анонимку»?

– «Анонимку» про вашу якобы измену Олегу Викторовичу Маслицкому написал Олег Викторович Маслицкий. А я перепечатал её. Подождите. Не возмущайтесь. Было это накануне первого апреля. Олег заверил меня, что он собирается пошутить над одним своим знакомым, жутким ревнивцем. Я, правда, сказал, что за такую шутку можно и по шее получить, но перепечатал.

– Вы негодай. И я не верю вам, – выдохнула Регина.

– Тогда загляните в почтовый ящик. Там я кое-что оставил для вас. Я негодай, вы правду сказали. А если ещё добавить, что встречу, на которой нас с вами «застал» Маслицкий, он же и попросил меня назначить, то и вообще... Поверьте, я ещё не понимал тогда, что к чему, ведь он сказал... А в конце концов зачем тут объяснения? Я только недавно обо всём узнал. Ольга моя рассказала. Видимо, вы говорили с нею. Ольга и заставила меня звонить вам. Сам я, видно,

не решился бы. Как-никак Маслицкий всё же мой непосредственный начальник. Поэтому я попрошу вас... я надеюсь на вашу порядочность, ведь ссориться с Маслицким я не хочу. А вы сделайте для себя определённые выводы и не мучайте себя. Он вас не достоин.

Всё, что сказал Казик, было горькой, как полынь, правдой. Он всё ещё лежит среди бумаг, тот конверт со спешно вырванным из блокнота листком, исписанным мелким почерком Маслицкого, черновиком той самой «анонимки». Хотя нет... Она же положила конверт в журнал со своей повестью. И снова: зачем? Что она хотела доказать Маслицкому?

На второй день после звонка Казика она сидела в «засаде» в скверике у дома Маслицкого с вальтером в руках. На третий съехала с квартиры. Некоторое время у Татьяны, знакомой своей, жила, а потом уволилась и уехала в свой город. Верочку завезла к своим: ведь ещё сама хорошо не знала, куда ей броситься, как жить дальше. Попробовать поговорить с Василём о размене? Какой ни есть, а всё же отец он Верочке.

От одной мысли, что ей придётся идти на поклон к своему бывшему мужу, Регине становилось плохо. Но другого выхода она не видела.

С билетом ей тогда повезло: у кассы стояло всего три человека, и место в плацкартном вагоне нашлось. Правда, верхнее, но это всё же лучше, чем мучиться на краешке скамьи в переполненном общем.

Взяв билет, Регина сразу же пошла на перрон: вот-вот должен был прибыть поезд.

Как приятно поразили чистота и уют, которые царили в вагоне! А главное, здесь было немногочисленно. Регина быстро отыскала своё место. Двое её спутников, молодая пара, уже сидели в купе. Она – тоненькая, с густыми пепельными волосами, красиво разбросанными по плечам. Он – черноволосый, с приятными чертами смуглого лица. Ответив на Регинино «здравствуйте», они продолжили прерванную беседу.

– Меня всегда удивляло, – говорила девушка, – почему некоторые люди чуть ли не теряют сознание от восторга перед пейзажами, написанными художниками, и в то же время остаются равнодушными к живой красоте? Вот взгляни за окно: сумерки, нежно-сиреневые цвета, плавные линии. Пейзаж в стиле Сарьяна. Только намного красивее.

– Картины, стихи и музыка для того и создаются, чтобы учить нас видеть красивое вокруг себя и в себе, – произнёс мужчина. – Конечно, есть такие люди, о которых поэт сказал: «Они не видят и не слышат, Живут в сем мире, как впотьмах, Для них и солнце, зная, не дышит, И жизни нет в морских волнах».

– Фет? – вопросительно взглянула на своего собеседника девушка, но тут же поправилась: – Нет, Тютчев.

– Да, – кивнул головой мужчина. – Он самый.

Регина, невольно прислушиваясь к разговору, подумала: «Ну вот, а говорят, что нынешняя молодёжь далека от понимания настоящего искусства... Хотя, может, этот молодой симпатичный человек – музыкант, поэт или художник, и “быть на уровне” его обязывает профессия».

Она взглянула на часы. Поезд вот-вот тронется, а четвёртого пассажира нет. Может, и не будет? Пусть бы так. Тогда бы хоть на верхнюю полку лезть не надо было.

Но Регина надежда оказалась напрасной: через минуту в купе зашёл мужчина пожилого возраста в джинсах и чёрной кожаной куртке.

Увидев, что Регина собралась встать, он замахал руками:

– Сидите, сидите. Я пока ложиться не собираюсь. Успею выспаться. Я же до самого Минска еду. Сына решил проведать, гостинцев деревенских ему отвезти. Тяжеловато молодым сейчас живётся. Но нам, пенсионерам, уже что есть, то и хорошо. А им и одеться надо, и детей как следует накормить. Цены же словно сошли с ума. И когда это закончится? Мы уже, пожалуй, не доживём. Кстати, давайте знакомиться. Я Иван Петрович. Нахожусь, как уже вам известно, на заслуженном отдыхе.

– Регина Николаевна, – кивнула Регина.

Молодые спутники как-то одинаково («снисходительно» – отметила Регина) взглянули на разговорчивого пенсионера, но приподнялись со своих мест:

– Виктор.

– Светлана.

– Красивая у вас жена, Виктор! – улыбнулся Иван Петрович. – Повезло вам!

– Конечно, красивая, – вскинул широкие чёрные брови мужчина. – Только она ещё пока (он сделал ударение на слове «пока») не жена, мы всего лишь час знакомы. Но ведь у нас всё впереди, не так ли, Светлана?

Лицо девушки порозовело, и она смущённо повернулась к окну.

Через какое-то время пассажиры начали устраиваться на ночь. На верхней полке уже посвистывал носом Иван Петрович – он уступил Регине своё место, – и, положив под голову пухлую белую руку, сладко спала женщина на боковой скамейке напротив их купе.

Прилегла и Регина. Через дрему, которая незаметно овладевала ею, Регина слышала мягкий баритон Виктора. Тот читал своей спутнице стихи.

«Романтик, – светло подумалось Регине. – Редкий на сегодняшний день экземпляр. Может, и не музыкант, и не поэт, а просто романтик».

Проснулась она от громкого женского голоса:

– Никто, кроме него! Я только на минутку отошла, чтобы спросить у проводника, где мы едем. Я заметила, как он смотрел, куда я кладу сумочку. Словно предчувствовала беду, вернуться хотела. И почему не вернулась? Что же мне теперь делать? Там же и деньги все мои, и документы!

Регина подняла голову. У купе стоял проводник. Рядом с ним – с перекинутым через плечо полотенцем чисто выбритый Иван Петрович. Девушка с пепельными волосами тихо плакала. Сосед её, склонив к девушке лицо, утешал: «Не надо, Светлана, не надо. Сейчас разберёмся».

Пышнотелая женщина с боковой скамейки, размахивая руками, кричала:

– Не зря он жену свою наверх спать отослал, а сам тут устроился, ворюга!

– Вы можете вызвать милицию и обыскать меня, но унижать не имеете никакого права, – раздался мягкий баритон, и Регина только сейчас поняла, что «ворюга» – это Виктор, её сосед, тот самый, который так проникновенно читал Светлане стихи.

– Да что же это вы набросились на человека?! Разве вы видели, что он брал вашу сумочку? – вмешалась Регина.

– Никто, кроме него, голову даю на отсечение. Никто! – снова закричала женщина. – Вызывайте милицию.

– Да вон она, сумочка ваша! – хрипловатым от волнения голосом проговорил Иван Петрович. – Под вашей же подушкой. Ну и что теперь? Теперь вам нужно просить прощения у молодого человека.

Девушка перестала плакать и с ненавистью посмотрела на обвинительницу. Та выхватила из-под подушки маленькую коричневую сумочку и, прижав её к груди, произнесла:

– Ой, и точно! Простите, пожалуйста, Виктор! У меня столько неприятностей! Я вообще рассеянной стала. Мне показалось, я сумочку в боковой карман в пальто клала. Когда я её под подушку сунула – ума не приложу! Ещё раз прошу: не обижайтесь. А лучше давайте вместе позавтракаем. Я угощу вас домашней полендвичкой. А вы, – обратилась она к проводнику, – принесите нам чаю и к чаю что-нибудь.

Женщина щёлкнула золотистой застёжкой, открыла сумочку, и лицо её вдруг побледнело:

– А деньги? Документы на месте, а денег нет! – Она беспомощно оглянулась и присела на краешек скамейки.

– Успокойтесь, дорогая, – сказала Регина. – Успокойтесь и подумайте, может, вы положили деньги не в сумочку, а в какое-нибудь другое место. Сейчас я дам вам лекарство, а потом мы вместе поищем ваши деньги.

Она наклонилась, чтобы взять свои ботинки и обуться, но Виктор опередил её:

– Минуточку, я вам помогу.

«Спасибо вам, вы действительно рыцарь», – хотела сказать Регина и онемела от неожиданности: «рыцарь», прежде чем подать ей обувь, сунул руку в правый ботинок, и Регина услышала характерный шелест: так шелестеть могли только новенькие денежные купюры.

На какое-то мгновение взгляды их встретились: Регинин – растерянный, удивлённый, и его – настороженный и угрожающий. Она первая отвела глаза и выхватила ботинки из его рук. Он незаметно сунул деньги (Регина уже убедилась: это были деньги) под стопку газет, лежавших на столике, и обратился к девушке:

– Можно собираться. Уже подъезжаем.

«Что делать? Позвать проводника? Сказать женщине, чтобы зря не копалась в своих вещах, так как денег там нет? Тихонько, по-хорошему попросить его, чтобы отдал похищенное?» – мелькало в голове у Регины.

А «рыцарь» время от времени бросал в её сторону настороженные, угрожающие взгляды. И Регину охватил страх. Кто знает, на что способен этот оборотень? Такой ни перед чем не остановится. Надо пока сделать вид, что она ничего не заметила. Потом что-нибудь придумается.

Она поднялась, чтобы пойти в туалет. Но он следил за каждым её движением и пошёл следом. И под дверью туалета стоял, пока Регина не вышла.

– Знаете что? – сказал Иван Петрович, когда Регина, сопровождаемая «оборотнем», вернулась на своё место. – Поскольку все мы люди вовсе не бедные, то давайте отщипнём по кусочку от своих богатств и поможем человеку в беде. Кто сколько может. – И он достал из кармана деньги.

– Ну что вы, не надо, – вытирая платком припухшие от слёз глаза, сказала женщина. – Я уже думаю, может, где потеряла те деньги.

– Надо помочь, надо! – слышались голоса.

– А может, у неё никаких денег и не было. Может, она на халаву разжиться хочет! – взвизгнула тощая женщина с волосами морковного цвета, но тут же замолчала, увидев молчаливое людское неодобрение.

Скоро на столике, за которым сидела растроганная женщина, лежала изрядная стопка денег.

– Люди добрые, спасибо вам! Я же в отведки к дочери еду. Мальчика она родила. А человек её ненадёжный. Я же эти деньги полгода собирала. А потом в магазине на крупные поменяла, чтобы ловчее везти было. Спасибо вам, люди!

– Готовьтесь к выходу, – объявил проводник, – и не забывайте, пожалуйста, свои вещи.

Регина одевалась и постоянно чувствовала на себе пронзительный взгляд «романтика». Из вагона она вышла «под конвоем». А он, взяв девушку под руку, след в след шёл за Региной. Только когда вышли из тоннеля, наконец оставил её в покое.

Регина с облегчением вздохнула и направилась к автобусной остановке. Стоя на переходе под светофором, она видела, как он покупал цветы и как счастливо улыбалась ему девушка с красиво разбросанными по плечам пепельными волосами.

Регина где-то читала, что основа всех живых существ – протеины. Именно комбинация протеинов в данном организме определяет, что он такое: растение, насекомое или человек. А если бы природа в дополнение могла ещё как-нибудь корректировать первоначальную комбинацию, то позволила ли бы она под одним и тем же именем «человек» существовать на земле Леонардо да Винчи и какому-нибудь Чикатило? Нет, она бы, почувствовав свою ошибку, пере-

воплотила бы последнего в какое-нибудь мерзкое существо вроде слизняка. А сегодняшнего «романтика» она сделала бы шакалом или гиеной. И для этого ей достаточно было бы только немного иначе разместить таинственные частицы, название которых – протеины.

Но так ли всё, как думается ей, дилетантке? А она, кем бы она была, если бы возможна была та корректировка? Ангелом с розовыми крыльями и... с вальтером в руках? А может, ещё в раннем детстве всесильная природа сделала бы её... хамелеоном сразу же после того случая, который она почему-то помнит до сих пор и до сих пор, встречая Анастасию или Алесю, неловко чувствует себя, хотя они, скорее всего, давно забыли о том.

* * *

Жили они тогда ещё в старом доме в небольшом переулке. Дом их стоял боком к улице, а окна смотрели в Пархомов двор, огороженный редким штaketником, сквозь который было видно всё, что там делалось. Обычно ничего особенного во дворе не происходило: бегали куры, тётя Прося шла доить корову или несла поросёнкам еду, Пархом отбивал косу или рубил дрова. Интересно было только тогда, когда начинали ссориться между собой Пархомовы дети: Настя и Шурка. Шурка называл сестру жабой, росомехой и «кочёлкой». Она его – маслом червивым и свиной рожей. Но самым оскорбительным для Насти было слово «Евмен», а для Шурки – «кривулина».

Дело в том, что у Насти были очень светлые, почти белые волосы до плеч и розовое лицо. Как раз такие волосы и такого цвета лицо имел глуповатый нищий Евмен из Заречья. Он часто заходил в их деревню с грязным мешком за плечами и палкой в заскорузлых руках. Прозвище «кривулина» объяснялось проще: у Шурки от рождения одна нога была чуть короче, и он прихрамывал.

Однажды мать послала Регину одолжить у тёти Проси стакан сахара. Регина ещё с улицы услышала:

– Евмен с мехом!

– Кривулина пузатая!

Регина знала, что после таких слов обычно начиналась драка, и хотела повернуть назад, но Настя, увидев её, позвала:

– Регинка, иди сюда!

Регина осторожно обошла надутого, словно индюка, Шурку и остановилась возле Насти.

– Слушай, – Настя наклонилась к Регинину уху, – я дам тебе целый пряник. Вот он, – Настя оттопырила карман голубого платья. – А ты за это громко кричи со мной «кривулина пузатая». Хорошо?

Регине не хотелось оскорблять Шурку. Он же никогда ничего плохого ей не сделал. Но пряник был такой большой, розовый и, по-видимому, очень вкусный!

И обидное «кривулина пузатая» зазвучало в два голоса, да так пронзительно, что Шуркиного «Евмена с мехом» вообще не стало слышно.

– Вот так! – торжествующе засмеялась Настя. – Вот так тебе, кривулина!

Регина успела только раза два откусить от пряника, как Шурка миролюбиво сказал:

– Реня, я хочу тебе кое-что показать, иди сюда.

– Ага! Ты драться будешь, – жуя действительно очень вкусный пряник, прижмурилась Регина.

– Не буду. Честное октябрятское под салютом! Подойди.

Регина, на всякий случай вырвав у забора куст крапивы, приблизилась на безопасное расстояние:

– Ну что?

Шурка показал ей новенький карандаш:

– Посмотри, одна половина красным пишет, а вторая синим. Такого ни у кого нет. Хочешь, подарю?

Регина недоверчиво взглянула на Шурку и спрятала в карман пряник.

– Бери, – Шурка отдал ей карандаш. – Будешь со мной дружить? Я тебе ещё кое-что дам, если ты поможешь мне перекричать Настю. Я и сам бы смог, но у меня сейчас горло болит, поэтому голос слабый. Ну, давай вместе: «Евмен с мехом!»

И вот уже победно смеялся Шурка.

Обиженная Настя, выждав немного, сказала:

– Регинка, а у меня «Приключения Чиполлино» есть. Не веришь? Сейчас покажу. – Она сбегала в хату и вынесла книжку с ярко раскрашенной обложкой. – Вот. Я уже прочитала. Могу тебе дать.

Регина уже не помнит, сколько раз она перебежала из одного «лагеря» в другой, помнит только, что всё закончилось для неё позором: Шурка с Настей отняли у неё все подарки, даже недоеденный пряник, и пинками выгнали со двора. А пустой стакан – сахара она так и не одолжила – бросили ей вслед.

* * *

Конечно, можно успокоить себя тем, что это мелочь, так как было тогда Регине лет семь-восемь, и что Анастасия и Александр уже давно забыли про тот случай, но... Но мало ли ещё можно вспомнить не менее отвратительного из своей взрослой жизни? И не в детстве ли было этому начало?

«Все мы в грязи, – сказал Оскар Уайльд, – но некоторые из нас смотрят на звёзды». Так, может, спасение и есть в том, чтобы как можно чаще смотреть на звёзды? Иначе можно стать мизантропом. А впрочем, почему она так разнюнилась из-за какой-то случайно встреченной дряни с красивым мужским именем Виктор? Всё равно жизнь отдаст ему должное. Есть такой неписанный закон. Регина это точно знает. Вот только девушку ту, Светлану, жалко. Хорошо, если она, прежде чем влюбиться, успеет понять, что собой представляет этот... оборотень. К счастью, всё же порядочных, искренних людей вокруг больше, чем это иногда кажется.

* * *

Ключи от квартиры у Регины были, но она, поколебавшись немного, нажала кнопку звонка. За дверью послышались неторопливые шаги, и недовольный голос проворчал:

– Кого там ещё принесло с самого утра?

– Открой, это я, – отозвалась Регина, превозмогая себя, чтобы не уйти.

Она уже чувствовала, что ничего хорошего не получится у неё из этого визита. Но, как говорят, утопающий за соломинку хватается. Дверь медленно приоткрылась, и лохматая Василёва голова высунулась на лестницу. Он, по-видимому, не сразу узнал Регину и какое-то мгновение смотрел на неё так, словно хотел спросить, кто эта женщина и что ей здесь нужно. И вдруг на лице его появилась ехидная улыбка:

– А-а-а! Да это же дорогая моя супружница! Какое счастье!

– Перестань. Дай мне пройти, – сдержанно промолвила Регина. – Мне с тобой надо поговорить.

– Проходи, проходи, солнышко моё ясное, – не переставал паясничать Василий. – И как это тебя отпустил твой повелитель?

– Хватит! – повысила голос Регина и, оттолкнув его, переступила порог.

То, что Василий с самого утра успел хорошо «нагрузиться», её несколько не удивило. Иного она и не ожидала. А вот от того, что Регина увидела в квартире, впору было схватиться за

голову. Она в течение стольких лет приобретала мебель, тщательно подбирала шторы, ковры, обои! Хотелось, чтобы всё было «как у людей». И всё это пошло прахом.

Квартира была почти пустая. На кухне остались только стол да две искалеченные табуретки. На месте, где стоял холодильник, – светлый квадрат на полу. Настенные шкафчики выдраны с мясом. Вместо новенькой плиты – какое-то старьё с двумя конфорками. В двух комнатах то же зрелище: ни телевизора, ни дивана, ни ковров. Уцелели каким-то чудом единственное кресло и кровать.

– Ну что ты остолбенела? Не нравится? – осклабился Василь, перехватив её растерянный взгляд. – Так и будем стоять? Может, давай присядем и возьмём по пять капель за встречу, а? – Он держал в руках начатую бутылку «чернил». – Или мы таким питьём брезгуем?

– Я хочу поговорить с тобой о квартире, – прервала его Регина. – Как-никак у нас дочь.

– Ага! Я теперь понимаю, в чём дело! – издевательски захохотал Василий. – Твой мэн тебя выгнал! Точно! Как это я сразу не догадался? Он выбросил тебя на улицу! Так тебе и надо, шалашовка! О дочери заговорила! Квартира понадобилась? А вот этого ты не видела? – он сделал неприличный жест и покачнулся. – Да я сейчас тебя...

Регина молча пошла к двери.

«Так тебе и надо! – корила она себя, стоя на остановке. – Знала, куда шла и чем это закончится. Так тебе и надо!»

– Женщина, что с вами?

Она оглянулась. Рядом стояла немолодая пара. Даже мимолётного взгляда было достаточно, чтобы увидеть, что это муж и жена, которых долгая совместная жизнь сделала похожими между собой даже внешне. Говорят, так бывает, если мужчина и женщина по-настоящему любят друг друга.

– Вам плохо? – бережно поддерживая под руку жену, мужчина сочувственно смотрел на Регину.

– Нет-нет, всё нормально, спасибо вам, – ответила Регина и подошла к доске объявлений.

Неужели она опять говорила вслух? Видимо, да, поэтому на неё и обратили внимание? Надо как-то взять себя в руки, ведь так недолго и с ума сойти. Неужели у неё такое уж безвыходное положение? А что, если всё же поехать на свою бывшую работу? Говорил же Михаил Петрович, когда она уезжала: «Помните, Регина Николаевна, в случае чего (тьфу-тьфу!) мы вас обратно с дорогой душой примем». Принять, может, и примут. Посочувствуют даже... в глаза. А за глаза посмеиваться будут. Кому чужое болит? Да и в редакции, может, не будет места. А, всё равно! Она попросит Михаила Петровича, чтобы помог устроиться где-нибудь. А вот квартиру придётся частную искать. Только вот деньги... Говорят, что деньги – мусор. А сколько проблем из-за этих проклятых денег? Особенно сейчас, когда продавать, кажется, стали все. Вон их сколько, объявлений! Глаза разбегаются. «Продаю телевизор», «Продам автомобиль «Рено»», «Недорого продам персидских котят».

А это что за объявление? Крупные неровные буквы, написанные зелёным фломастером. Регина подошла ближе. «Сдам квартиру бесплатно тому, кто будет ухаживать за мной. Клавдия Васильевна. Улица Лесная, дом 6, квартира 25».

Регине подумалось, что неизвестная ей Клавдия Васильевна – чудачка. Разве можно не знать, как рискованно такое сейчас писать: столько расплодилось мошенников и аферистов! А может, жизнь преподнесла женщине очень горькую пилюлю, если она решилась написать такое объявление? Надо, видимо, позвонить ей, предостеречь, посоветовать что-нибудь. Только что посоветовать? Пойти в интернат для престарелых? Но пожилым людям про интернат для престарелых вообще не стоит говорить: одно это слово вызывает у них страх и обиду. А может, этой женщине никакой интернат и не нужен: поссорилась со своими родственниками да и решила таким образом отомстить. Вот и повесила объявление в самом центре города. Как бы там ни было, но надо всё-таки позвонить. Регина достала записную книжку и только тогда увидела,

что номера телефона в объявлении как раз и нет. Ну что ж, не искать же ей ту Лесную. Да и какое ей дело до неизвестной Клавдии Васильевны? Неужели у неё мало своих проблем?

Если бы в ту минуту кто-нибудь сказал Регине, что сама судьба подвела её к тому объявлению и что именно она будет ухаживать за Клавдией Васильевной, которая оставит им с Верочкой свою квартиру, Регина рассмеялась бы. Во-первых, какая из неё «ухаживальщица»? Во-вторых, почему это совершенно чужая женщина будет делать им такой «царский» подарок? Но жизнь – явление непредсказуемое. И слава Богу. Иначе многие бы, заглянув в своё будущее, сделали бы выбор не в пользу жизни. А может, и нет, потому что, вопреки даже самым мрачным пророчествам, люди не перестают надеяться на лучшее. И Регина также надеялась на лучшее, когда ехала на бывшую свою работу.

К счастью, в длинном коридоре не было ни души. Регина бегом бросилась к кабинету главного, нажала ручку двери и обрадовалась: Михаил Петрович был в кабинете один. Сдвинув очки на кончик носа и озабоченно листая какие-то бумаги, он механически ответил на Регинино приветствие, произнёс дежурное «присаживайтесь, пожалуйста» и только тогда поднял голову.

Регина не успела ещё расстроиться от такого холодного приёма, как лицо Михаила Петровича осветилось искренней улыбкой:

– Регина Николаевна, дорогая! Вас ли видят мои уже не очень светлые очи? Как это вы к нам надумали? Не иначе как в командировке! Похорошели, помолодели! По-видимому, неплохо живётся?

– Михаил Петрович, пожалуйста... если можно... возьмите меня обратно! Вы возьмёте меня обратно, Михаил Петрович?

* * *

«Когда б вы знали, из какого сора Растут стихи, не ведая стыда...»

В какую минуту вывела рука поэтессы эти слова? Неужели и таким, как она, талантливым, всеми признанным, было знакомо это непонятное чувство беспомощности перед собственным произведением, когда вдруг теряет смысл первоначальное и рождается совсем иное, совершенно неожиданное? Да и сам творец становится уже не тем человеком, который в задумчивости сидел перед нетронутым, белым, как первый снег, листом.

С Региной произошло именно так. Она ещё не осознала, потеряла из того что-то или что-то нашла, но одно знала точно: её прежней уже нет, началась новая, заманчивая своей неизвестностью жизнь, в которой не останется места ни мыслям о мести, ни мелочным желаниям. И ему, Маслицкому, не будет там места.

Лолита из города Р

«Лолита» должна была заставить нас всех – родителей, социальных работников – с вящей бдительностью и проницательностью предаться делу воспитания более здорового поколения в более здоровом мире.

Джон Рэй, доктор философии, о романе В. Набокова «Лолита»

Реальность ясна и зрима до осязаемости, но сознание так упрямо отторгает эту реальность, что на какое-то мгновение Людмилой овладевает сумасбродная мысль: наверное, она забыла сделать что-то очень и очень важное, и стоит только вспомнить и сделать это «что-то», как всё вернётся, всё будет как прежде! Но мгновение проходит, унося с собой жалкое подобие надежды, и Людмила окончательно трезвеет: нет, ничто и никто уже ничего не изменит. Его нет. И не будет. Ни-ког-да!

Ледяная змейка ужаса пробегает по спине, тело становится чужим и непослушным, и листы, усеянные буквами, цифрами и печатями, рассыпаются по полу. Людмила бессильно опускается в кресло. Как же их много, этих листов! Сколько понадобится времени, чтобы как следует разобраться? Да и хватит ли у неё сил? Неужели прав тот следователь с усталым лицом и холодным взглядом стальных глаз, который бросал ей в лицо тяжёлые, будто каменные, слова:

– Женщина, Вы что себе позволяете? Какое убийство? Что Вы орёте на весь отдел? У Вашего мужа было больное сердце. Он умер от острого нарушения сердечного кровоснабжения. Прочтите заключения судмедэксперта и – до свидания. Никакого уголовного дела никто возбуждать не будет за отсутствием состава преступления. И вообще, выйдите из кабинета. Мне работать надо.

– Я ухожу, но не думайте, что вам всем это так просто сойдёт с рук! – в отчаянии кричала Людмила. – Я добьюсь справедливости! Я буду жаловаться самому Президенту!

– Да жалуйтесь кому угодно, хоть самому Всевышнему. Даже он ответит Вам то же, что и я.

И вот они, ответы на Людмилины письма и жалобы... Их уже более десятка. Одни лаконичные, всего в несколько строк, другие – многословные, с подробным объяснением и даже нотками сочувствия. Но суть всех их одна: состава преступления нет. Но как же так: человек убит, а преступления нет? Или убийство – это только когда топором по темени? А как назвать то, что произошло с Виктором?

* * *

Была середина декабря, но день выдался по-осеннему серый и слякотный. Виктор вернулся с работы продрогший, с капельками-бисеринками на некрасиво потемневшей от влаги ондатровой «обманке». На Людмилин вопрос про дела на работе он не отшутился обычным «как сажа бела», и Людмила решила, что у него снова какие-то проблемы на работе.

– Скверная директриса Александра Васильевна! Вечно она придирается к хорошему работнику Виктору Павловичу! Так ведь?

– Александры Васильевны на работе сегодня не было. На совещание уехала. Людочка, поставь чайник, пожалуйста.

– А ужинать?

– Потом, попозже.

Людмила заварила его любимый зелёный чай с мятой, но Виктор сделал всего пару глотков и отодвинул чашку:

– Ты знаешь, недели две тому назад пришла ко мне девочка из девятой школы записаться на гитару. Я сказал, что у нас приём уже закончен и посоветовал ей пойти в Дом творчества. Там Миронович гитару ведёт, если помнишь. Кстати, это мой бывший ученик. Хороший специалист и человек – тоже. Ну а девочка ни в какую: хочу у вас заниматься, и всё тут! И не уходит! Что было делать? Записал. А вот сегодня... Ты представить себе не можешь, что она сегодня рассказала мне! С виду Лена – её зовут Леной – обыкновенная девочка. Про таких говорят «серая мышка». И на занятиях сидела она тихо, как мышка. Только всегда как-то странно смотрела на меня. Я сначала думал, что у меня во внешности не порядок какой: вдруг усы зубной пастой испачканы или галстук криво повязан – и тайком в зеркало поглядывал. Вроде всё нормально, а она смотрит и смотрит!

– Ну и пусть смотрит. Тебе жалко, что ли? – отозвалась возившаяся у плиты Людмила.

– Да взгляд у неё какой-то «гиперboloидный». Ну не очень приятно это, если на тебя так смотрят. А сегодня прихожу я на работу – Лена стоит у дверей моего кабинета. Я даже спросить ничего не успел, а она мне навстречу: «Виктор Павлович, мама хочет выдать меня замуж!»

Я от неожиданности чуть ключи не уронил: какое «замуж» может быть в пятнадцать лет?!

А она стала рассказывать, что у неё от ухажёров отбоя нет, что замуж ей уже не раз предлагали и сейчас какой-то мамин знакомый, очень богатый – его Сергирьяном зовут, – хочет на ней жениться. Вот за этого Сергирьяна мама и решила её выдать. Потом она что-то говорила про отца, который «бросил маму за её запои». А когда я сказал, что в милицию идти надо, она испугалась, что «маму ж тогда посадят!». Не знаю, что тут делать и чем помочь.

– Ну если девочка красивая, то за ней рано начинают ухаживать, – отозвалась Людмила. – Только вот имей в виду, что этим акселераткам с ногами от ушей не очень-то доверять надо. Они тебе такого насочиняют...

– Вот видишь, как ты меня слушала! – обиделся Виктор. – Какая красивая? Какая акселератка? Я же тебе сказал: серая мышка, несчастный ребёнок!

Людмила недоуменно пожала плечами:

– В таком случае о каких многочисленных поклонниках и целых очередях желающих жениться может идти речь? А если ещё учесть, что Елена несовершеннолетняя, то вообще абсурд какой-то получается. А вернее, преступление.

– Вот я и хочу посоветоваться с тобой. Может, и правда в милицию обратиться? Там у них специальный отдел есть по борьбе с торговлей людьми.

– Ну я не знаю. Меня вот что удивляет: почему этот, как ты говоришь, несчастный ребёнок доверился тебе, практически чужому человеку, к тому же мужчине?

– А она говорила, что у неё совсем нет друзей, что она никуда не ходит и что ей очень плохо. И ты, Люда, к тому же ещё одно постоянно забываешь: я всё-таки, прости за нескромность, личность не рядовая. Конечно, я не Пушкин, но поэт вроде неплохой. А у нас многие убеждены, что пишущие люди способны решить любые жизненные проблемы. Помнишь, как писателей ещё не очень давно называли? Инженеры человеческих душ!

– Послушай, инженер человеческих душ, – улыбнулась Людмила, – а позволь-ка ты мне попристутствовать на твоих занятиях. Уж очень мне хочется увидеть эту девочку! Вот в субботу я и прикачу к тебе, если ты, конечно, не против. Представишь меня как психолога. Я попробую поговорить с девочкой. Ну а потом вместе подумаем, как помочь этой потенциальной Сергирьяновой (и что за имя такое?) невесте. Лады?

Занятия двух кружков – игры на гитаре и стихосложения, – которыми руководил Виктор, проходили в Доме культуры. В этот день детей на занятиях было человек десять: четверо мальчиков, остальные – девочки. Людмила уселась в кресло перед журнальным столиком и, сделав вид, будто углубилась в чтение, незаметно стала наблюдать за учениками. Елену Порченко она узнала не только и не столько по описанию Виктора: эта девочка как-то необъяснимо «выпала» из группы подростков. Её присутствие здесь казалось случайным и даже неуместным.

Сутуловатая, с плоским, без тени румянца лицом, неулыбчивая, чем-то озабоченная. И этот её непонятный взгляд... Ноги? Ноги уж точно не от ушей. Впрочем, она пришла на занятия то ли в брюках, то ли в джинсах, собранных «в гармошку». В общем, маленькое жалкое существо, обиженное судьбой.

После занятий Виктор попросил Порченко остаться:

– Лена, вот Людмила Петровна хочет с тобой поговорить. Она психолог. Ты расскажешь ей то, что рассказывала мне, и мы вместе тебе поможем.

– Нет-нет, спасибо! Ничего не надо! – воскликнула Порченко и заторопилась к выходу.

– Но ты ведь сама просила тебе помочь. Вот Людмила Петровна специально и приехала. Или ты действительно замуж собралась?

Порченко устала на Людмилу немигающим взглядом дегтярно-чёрных глаз:

– И Вам спасибо, конечно, но... про замуж мама просто пошутила. Можно я пойду, а то мне ещё уроки надо делать?

«А ведь девочка очень близорука, – отметила про себя Людмила. – Вот откуда у неё этот “гиперболоидный” взгляд, который так смущал Виктора! Близорукие обычно или шурятся, или, наоборот, вот так широко распахивают глаза, стараясь скрыть свой недостаток. Вот уж действительно бедолага! Неужели и вправду какой-то негодяй польстился на этого ребёнка? Да, с виду Елена – ребёнок. Только вот голос у неё... Это голос не девочки-подростка, а зрелой, много пожившей и много пережившей женщины». И всё-таки не голос (Людмила ведь только сейчас его услышала), а что-то другое, неприятное, с самого первого мгновения насторожило Людмилу в Лене Порченко. Но что? Как ни старалась она это понять, так и не смогла. На память приходило только одно: странная, очень странная девочка...

Когда Порченко ушла, Людмила укоризненно взглянула на мужа:

– Ну представляешь, как бы ты выглядел, если бы пошёл в милицию? Ведь, скорее всего, твоя Лена всё выдумала.

– Но зачем ей это? – недоуменно пожал плечами Виктор.

– Ты плохо разбираешься в женской психологии, друг мой. А ведь Елена Порченко уже не ребёнок, несмотря на свой полудетский внешний вид. В этом возрасте каждая девочка любой ценой хочет привлечь внимание окружающих, выделиться из массы. Так что давай-ка не будем лезть в это сомнительное дело. Ты и так вечно попадаешь в какие-то нелепые ситуации. К тебе пришли учиться игре на гитаре, вот и учи. А всё остальное тебя не должно касаться. Витя, ты, пожалуйста, не обижайся, но порой твоя наивность удивляет меня. Вот хотя бы твои последние стихи. Сколько раз я просила тебя больше никогда не трогать эту тему, а ты снова за своё! Ты мне напоминаешь Дон Кихота, воюющего с ветряными мельницами. Тебе ещё мало того, что с тобой тогда сделали? Разве здесь бы ты сидел, если бы не твоё «сомнительное прошлое»?

– Ну, хватит! Мне надоел твой менторский тон! А особенно надоело то, что ты пытаешься указывать, о чём мне можно писать, а о чём нельзя! И без тебя цензоров хватает!

Тогда они серьёзно поссорились. Людмила назвала мужа инфантилом и размазнёй. А он её – бревном бесчувственным. Почти неделю друг с другом не разговаривали. Потом помирились, конечно, но про Елену Порченко разговора больше не заводили. Правда, пару раз Людмила видела её сидящей на первых рядах во время творческих встреч Виктора, а на его сольном концерте в ДК она даже угостила конфетами эту чем-то сильно расстроенную «серую мышку».

* * *

Елене было всего тринадцать лет, когда в очередной раз «заболевшая» мать отправила её к «одному хорошему человеку»:

– Ты только слушайся дядю Петю и делай всё, что он попросит, – пряча глаза, сказала она. – Если дядя Петя будет доволен, я куплю тебе... что скажешь, то и куплю.

Елену удивила абсолютно несвойственная мамаше щедрость. Удивила и насторожила. «Наверное, этот дядя Петя живёт один, а убираться ленился, вот и придётся мне чистить заросшую грязью квартиру, – с неудовольствием думала Елена. – Если так, то уж заставлю мамашу раскошелиться».

Но «хороший человек» дядя Петя пригласил Елену вовсе не для того, чтобы она убрала в квартире, кстати, ничуть и не запущенной. Сначала он угостил её чаем с конфетами, а потом стал делать то, что делал когда-то с ней, тогда девятилетней, дядя Лёня, мамин старший брат...

* * *

Прошло, наверное, с полгода, прежде чем она смирилась со своей «работой». Но скоро этой работе конец. У неё начнётся новая жизнь. Как же всё-таки хорошо, что она сумела сохранить свою невинность. Истинную цену этой «невинности» знает только сама она, а другим знать незачем. Да, как это ни удивительно в её положении, Елена физиологически девственница! Конечно, спасибо мамаше, но это вовсе не значит, что в знак благодарности Елена позволит ей распоряжаться принадлежащим Елене сокровищем. Мать собралась продать это «сокровище» Сергирьяну, тому самому, который, как сказала Елена Виктору Павловичу, хочет жениться на ней. Какое там «жениться»! Он просто зажрался, и ему в его пятьдесят с хвостом захотелось девственницу. Елена нужна ему для одноразового пользования. Интересно, неужели он не мог через интернет найти девственницу? Там же сплошь и рядом объявления о продаже этой самой ценности... Хотя, наверное, боится засветиться как-либо. Ведь он тоже какой-то «крутой». Этот сытый кот уже два месяца заходит к ним домой и не перестаёт выставлять напоказ свою щедрость. Когда он пришёл в первый раз, Елена подумала, что это очередной мамашин кавалер, хотя слегка удивилась: он не был похож на обычных её ухажёров – полупьяных и вечно небритых. Этот был не только чисто выбрит и хорошо одет, но и благоухал каким-то, наверное, очень дорогим парфюмом. Он выложил на стол богатое угощение, потом достал из барсетки толстый бумажник, раскрыл его так, чтобы видны были не только белорусские деньги, но и доллары, покопался в нём и, протянув Елене стотысячную купюру, сказал: «Сходи за мороженым и немного погуляй, а нам с мамой надо поговорить». Елена понимающе улыбнулась: мол, знаем мы эти «разговоры». И мамаша знает, что Елена знает. Но с неё как с гуся вода. Ей, похоже, никогда стыдно не бывает.

Елена ушла, не догадываясь, что между матерью и Сергирьяном в самом деле произойдёт разговор, а вернее, будет заключён договор о продаже Елениного «сокровища». Такое вот «замужество» светило Елене. А Виктору Павловичу она соврала. На ней не только Сергирьян, но и вообще никто не собирался жениться. Да и липнуть никто не липнул. Просто ей хотелось цену себе набить.

Но нет, не видать Сергирьяну желанного! Теперь-то Елена знает, что каждому мужчине хочется быть первым. И Виктору Павловичу, конечно, тоже этого хочется. У своей-то он вряд ли первым был. Ведь это её он увёл у «серьёзного человека». А вдруг он ни у одной из своих женщин первым не был?! И если это так, то ему обязательно захочется! Ведь он тоже мужчина. И какие удивительные у него глаза! Наверное, про такие говорят «миндалевидные». И цвет очень интересный: по медовой радужке россыпь мелких чёрных точек. Он такой смешной: верит всему, что Елена ему говорит. Нет, всей правды о ней он никогда не узнает. И вообще никто не узнает. Не станут же те, кто пользовался ею, распространяться. Они же не дураки: знают прекрасно, что бывает за соvrращение несовершеннолетних.

* * *

Однажды Виктор забыл дома свой «Сименс». Людмила никогда не имела привычки заглядывать в телефон мужа. Наверное, не изменила бы этой привычке и сейчас. Но как прикажете поступить, если в течение какого-то получаса она услышала пять... нет, шесть сигналов о поступивших сообщениях. На седьмом Людмила не выдержала: а вдруг что-то неотложное, мало ли? Недаром же кто-то так настойчиво добивается внимания Виктора. Она взяла телефон и нажала кнопку сообщений... Вы, конечно же, слышали выражение «сердце у горла»? Людмила тоже слышала. Но одно дело слышать, а совсем иное почувствовать, как твоё сердце, вопреки законам физиологии, срывается со своего привычного места и, перекрывая дыхание, подбирается к горлу. А во рту сухая полынная горечь...

Что делать? Бросить этот проклятый телефон оземь, чтобы он разлетелся вдребезги? Только что от этого изменится? Нет уж, коль суждено ей испить эту чашу, то она выпьет её одним глотком.

Итак, что там дальше? Ого! «Скажи, что это пройдёт! Я уже больше так не могу!» «Я знаю, что мы были бы счастливы, Витенька!» «Я хочу от тебя ребёнка, очень хочу!» «Я буду ждать и любить тебя всегда!»

Нет, хватит! С неё хватит! Вот так-то бывает в жизни. Двадцать пять лет прожили! Двух сыновей вырастили! Хотя чему тут удивляться? Банальная история. И банальная истина: все мужики – кобели.

Весь день Людмила металась по квартире, вслух задавала себе вопросы и сама же отвечала на них, лихорадочно собирая вещи мужа и беспорядочно запихивая их в огромную дорожную сумку.

Как только Виктор переступил порог, Людмила молча протянула ему телефон и жестом показала на туго набитую сумку.

Виктор шагнул навстречу и попытался положить руку на её плечо:

– Я, конечно, виноват, что не рассказал тебе всё сразу, но я собирался. Выслушай меня, пожалуйста. Это совсем не то...

Людмила резко оттолкнула его руку и продолжила начатую им фразу:

– Ну да. Это, конечно же, совсем не то, что я подумала. Так ведь?

– Да, это совсем не то, что ты подумала! Я очень прошу: выслушай меня! Ты помнишь ту девочку, Лену Порченко, которую мама вроде замуж выдать собиралась? Ты ещё на зимних каникулах посмотреть на неё приезжала.

– Помню, конечно. Но какое отношение она имеет к твоей любовнице?

– Люда, да пойми же ты наконец: нет у меня никакой любовницы! Все эти СМС мне шлёт та самая Лена Порченко! Мне надо было сразу тебе всё рассказать, но я ж тебя не один год знаю. Ты меня фантазёром называешь, а сама иногда на пустом месте напридумываешь себе такого, что не всякому фантасту под силу. А потом сама в свои фантазии поверишь и будешь мучиться. Я хотел сам с этой Леной разобраться, но раз так вышло...

– Ну, всё! – сердито прищурилась Людмила. – Хватит. Твои способности к сочинительству я, конечно же, ценю, но имей же совесть. Как это ребёнок может хотеть ребёнка да к тому же, прости, от пожилого мужика с брюшком?

– Люда, я обращаюсь к тебе в последний раз. Пожалуйста, умири свою гордость, набери этот номер. Хотя постой, я наберу сам его со своего телефона, а ты послушаешь и убедишься, что я говорю правду!

Несколько минут в душе Людмилы боролись противоречивые чувства: боль, обида, уязвлённая гордость и – надежда. Наконец, страдая от унижения, она нажала кнопку вызова. Ответ последовал мгновенно:

– Виктор Павлович – Вы?! Ты... Вы всё-таки позвонили! Вы не представляете, как я рада Вас слышать!

Да, это была она, неприметная девочка с голосом много пожившей и многое пережившей женщины. Это была та самая «серая мышка», «несчастное, обиженное судьбой существо»!

Свой вопрос Людмила задала уже чисто механически:

– Лена, так это ты?! И это ты шлешь такие сообщения моему мужу?!

– Оп-па! Жена объявилась! – голос зрелой женщины из радостного превратился в насмешливый. – А я Вас тогда ещё срисовала, когда Вы под видом психолога на занятия приезжали. Ну да, это я. А пишу потому, что люблю Вит... Виктора Павловича. Надеюсь, он меня – тоже. Обычная ситуация.

Сражённая наглостью «несчастливого существа», Людмила не могла вымолвить ни слова. Как же это? Пятнадцатилетняя девочка с голосом зрелой женщины предлагает себя пятидесятилетнему мужчине?! Нет, никогда Людмиле не понять этого! Наверное, она отстала от жизни. А может, это всего лишь розыгрыш? Шутка? Но если и шутка, то очень жестокая.

– Но, Витя, с этим же надо что-то делать! Это надо прекратить! Я сейчас же...

– Подожди, – остановил Виктор раскрасневшуюся от волнения жену, которая, похоже, куда-то вознамерилась бежать, – я попробую ещё раз поговорить с ней. Мне самому это уже костью в горле.

Из записей Виктора Вардомацкого

Это началось совсем недавно и совсем неожиданно для меня.

После занятий, когда все уже разошлись, эта девочка осталась сидеть в кабинете. Я вопросительно взглянул на неё:

– Лена, у тебя ко мне какие-либо вопросы?

Она подошла ко мне и протянула вдвое сложенный листок:

– Виктор Павлович, посмотрите, пожалуйста. Это моё стихотворение. Я старалась правильно подбирать рифмы и ритм соблюдала.

Я удивился:

– Ты пишешь стихи? И давно? Почему тогда на гитару записалась, а не на стихосложение?

Она пожала плечами:

– Да на гитаре играть я давно мечтала научиться. А стихи только начинаю писать. Так что можете считать меня начинающей поэтессой. Это стихотворение – одно из самых первых.

Она уселась напротив и стала лениво перебирать струны гитары.

Я даже улыбнулся про себя: ничего себе самомнение, – поэтесса она! – но вслух произнёс:

– Ну тогда с почином тебя! Посмотрим, что мы имеем. – Я развернул листок, пробежал по неровно написанным строчкам, и как-то не по себе стало:

*Я люблю Вас давно и навеки,
Я ревную Вас к Вашей жене,
Нет прекрасней, чем Вы, человека,
И я часто Вас вижу во сне.
Вам хотела бы тоже я сниться,
Если большего с Вами нельзя.
Рвётся сердце испуганной птицей,
Застилают мне слёзы глаза.*

Порченко подождала, пока я прочёл её творение, отложила гитару в сторону, обошла стол, за которым я сидел, и прижалась грудью к моему плечу:

– Ну и как Вам мой почин?

В первую минуту я не мог найти нужных слов и начал растерянно бормотать про рифму, ритм, художественные средства. Порченко перебила меня:

– Ну а в общем-то Вам нравится?

– Лена, – я наконец оправился от смущения, – а почему ты выбрала для своего стихотворения такую тему?

Порченко улыбнулась:

– Да просто моя одноклассница влюбилась в женатого мужчину и хочет ему об этом сказать стихами, а стихов писать не умеет, вот и попросила меня.

– Не понял, а зачем твоей однокласснице женатый мужчина? Ей ровесников мало, что ли?

Порченко скривила тонкие бледно-розовые губы:

– Ой, они все такие дебилы...

* * *

Домой Порченко возвращалась в приподнятом настроении. Кажется, лёд тронулся! Когда она показала Вардомацкому своё стихотворение, он смутился. Покраснел даже. А когда «случайно» прикоснулась к его плечу грудью, то заметила, как он вздрогнул. Поплыл!.. В тот момент ей захотелось впиться в его яркие губы под пушистой полоской усов, зажечь в глазах этого человека огонь страсти, подчинить его себе, как подчиняла до этого многих других, вот таких же взрослых солидных мужчин. И это желание было таким острым, что она еле-еле держала себя. Нет, ещё не время! Не стоит торопить события. Никуда он от неё не денется! Против молодости ни один мужик не устоит. Каждому хочется прикоснуться к свежести и невинности. А любителями невинность дорого ценится. И чем старше «любитель», тем выше цена. Кто-то, а Лена Порченко это уж точно знает. Помнится, она однажды разыграла свою мамашу, сказав, что с одним из клиентов она перестаралась и тот не сдержался. И вот, мол, теперь «доча» – как в минуты хорошего настроения называла её мамаша – уже не девочка. Ой, что с маман начало твориться! Она рвала волосы (не на своей, а на её, Лениной, голове) и орала так, что, наверное, во всём доме было слышно:

– Ты чё натворила?! Чё я теперь Сергирьяну скажу?!

– Скажешь, что передумала.

– Заткнись, уродина! Кому ты теперь нужна будешь? У тебя только одна эта гордость и была – твоя типа девственность! Ты знаешь, сколько Сергирьян за неё заплатить обещал?! Тебе и не снилось! Да я и аванс уже взяла. Ну всё! Этому козлу, что тебя ..., я голову оторву! Я ему напому про договор! Так напому, что он у меня или раскошелится по полной, или сядет и тоже по полной! А тебя, дуру, сколько раз учила: подставляй чё угодно, но ТАМ чтобы на месте всё было, пока найдём кого надо! Так вот я нашла, а ты чё натворила?!

– Да успокойся ты, всё на месте! – скорее от боли, чем от желания оправдаться крикнула Елена, высвобождая свои волосы из цепких мамашиных рук.

Она только тогда поняла, почему никто из «козлов», к которым отправляла её мамаша, на это самое «дорогое» не позарился. «Козлы» заставляли её делать им разные гадости и говорили тоже гадости, ощупывали Еленино тело и... всё! И платили деньги. До некоторого времени у Елены эти «козлиные» манипуляции вызывали только лишь отвращение. Потом её занятие стало даже нравиться ей. Вернее, ей нравилось видеть, как недавно важное лицо какого-либо солидного мужчины начальственного вида постепенно становилось растерянным, приобретало

расслабленное, глуповато-безмятежное выражение, и недавно строгий и серьёзный человек превращался в самца, раба единственной своей страсти: дыхание его учащалось, глаза покрывались влажной плёнкой, а из груди рвались глухие стоны и нечленораздельные звуки, похожие на мольбу.

А однажды, во время очередного «сеанса», её пронзило острое, неведомое ранее ощущение: горячая волна прокатилась по всему телу, обожгла поясницу, замерла там, в самом низу, и Елене безудержно захотелось всего, но, конечно же, не с этим толстопузым слюнявым уродом.

В тот же вечер прямо на улице она остановила симпатичного парня. Уже начало смеркаться, и Елена, сделав вид, что ей страшно, попросила:

– Молодой человек, если Вы, конечно, не боитесь темноты, проводите меня, пожалуйста. Тут совсем недалеко.

Ну какой же молодой человек в такой ситуации скажет, что он боится темноты, если даже на самом деле он её боится панически?

Парень, назвавшийся Димой, проводил Елену до самого подъезда их дома и с радостью откликнулся на приглашение выпить чашечку кофе, который Лена пообещала ему приготовить собственноручно, так как «предков дома нет и сегодня не будет».

Всё началось вроде нормально, но уже через несколько минут Порченко с удивлением обнаружила, что молодой человек не вызывает в ней никакого желания и не вызывает именно потому, что он... молодой. Она привыкла, что её раздевают и ласкают мужчины, которым «далеко за», и движения их рук умелые и уверенные и порой довольно грубые. А этот дрожал, как цуцик, суетился и потел. Ей стало противно, она оттолкнула его. Именно в тот вечер Елена поняла, что ей хочется зрелого мужчину. Она даже мысленно нарисовала его портрет. Это крупный, но стройный мужчина с проседью в тёмных волосах, похожих из-за этого на мех чернобурки. У него сильные руки, твёрдо очерченные губы и карие глаза. А сосунки её ни капельки не возбуждают. Но и среди этих мамашиных протезов никого похожего на составленный Еленой образ не было. И вот он, Вардомацкий. Впервые увидев его так близко, как никогда ранее не приходилось, Порченко сказала себе: «Вот тот, кто мне нужен, и он будет моим». Спасибо Борчику за его «задание», которого Елена, конечно же, теперь и не подумает выполнять. То есть она постарается, чтобы Вардомацкий захотел её, но вовсе не для того, чтобы его «подставить», как выразился Борчик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.